

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р59

Художественное оформление серии
А. Дурасова

Роговая, Елена Александровна.

Р59 Большой бонжур от Цецилии : [роман] / Елена
Роговая. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-102420-8

Избалованная вниманием публики солистка оперного театра уходит на заслуженный отдых. Вслед за первым ударом следует второй — кончина любимого мужа. Другая бы сдалась и скучно старела в одиночестве, но только не Цецилия Моисеевна!

Она и в судьбе соседей примет горячее участие, и в своей судьбе еще допишет пару ярких глав...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102420-8

© Роговая Е., 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Цецилия Моисеевна полюбила пить чай сразу же после смерти ее мужа Бени. До этого скорбного случая она позволяла себе не более одной кружки в день, да и то утром, потому как берегла цвет лица и белоснежную эмаль красивых зубов, доставшихся ей от отца, Михая Бурикани, потомка цыганского барона. Честно сказать, это не единственное, чем поделился Михай со своей дочерью. Что касается прошлого, так история любви ее родителей была не столь романтической, как ее рассказывала для прессы Циля.

Черноволосый красавец Михай влюбил в себя Лизоньку, дочь купца, а позже уже товарища Крамера, женился на ней, несмотря на активные протесты со стороны родителей, и на рассвете уехал с молодой в неизвестном направлении, прихватив «на всякий случай» из отчего дома жены солидную сумму денег и столовое серебро. Как и бывает, первые дни медового месяца молодые пребывали в безграничном счастье. Лизель нисколько не жалела о содеянном и купалась в любви и даже шампанском, приобретенном в коммерческом магазине на украденные у ее папеньки деньги.

БОЛЬШОЙ БОНЖУР ОТ ЦЕЦИЛИИ

На втором месяце супружеской жизни, поняв, что цыганская кровь не способствует тихому и мирному бытию, а взгляды супруга далеки от патриотично настроенной комсомольской молодежи, она немного загрустила и написала обо всем родителям.

Разгневанный и оскорбленный папаша строго-настрого запретил матери жалеть непутевую дочь и отвечать на ее слезливые письма. Не получив из дома ни одного ответа, Лиза задумалась. В ее хорошенькую головку стали закрадываться мысли о совершенной глупости. С каждым днем она открывала в муже что-то неприятно новое и вскоре поняла, что до глубокой благородной старости им вместе не дожить. Молодой муж был от природы патологически скуп и жутко вспыльчив. При малейшем непослушании он истошно кричал и поднимал руку на супругу. Даже наступившая беременность не изменила его крутой нрав и расположение к мучившейся от жуткого токсикоза жене. Напротив, весь романтизм отношений улетучился, как дым от сигареты, которую Михай не выпускал из красивых и не замаранных работой рук.

Считая себя добропорядочным христианином, рожденную девочку отец назвал в честь святой Цецилии и на этом сложил с себя родительские полномочия, искренне веря, что самое лучшее он уже вложил и оно обязательно проявится в назначенный день и час. Надежды на светлое будущее дочери цыганского рода Бурикани тут же подтвердила его мамаша, разложив пару раз для надежности затертую колоду гадальных карт.

— Михай, — произнесла седовласая Дея, попыхи-вая курительной трубкой, — у тебя родилась замечательная дочь! Можешь за нее не переживать. Будешь ты жить со своей Лизкой или нет, это никак не отразится на Цилечке. Она и без тебя найдет дорогу в жизни. Глянь, какая чудная карта легла! Слава и успех будут сопровождать ее повсюду. Если не любишь жену, уйди от нее спокойно и не мешай женщине воспитывать ребенка.

Вздорный сын запомнил все до единого слова и в кои веки согласился с мамашей. Через несколько дней он уехал на заработки в Румынию, где и остался жить. Лизонька погоревала какое-то время в одиночестве, собрала нехитрый скарб и поехала к родителям каяться за содеянное.

За время отсутствия дочери обида и гнев отца улечились, и непутевая, но прощенная Лизонька бросилась на шею папаше. Первый раз за полтора года она почувствовала себя счастливой. Спокойствие и былой восторг вновь поселились в ее душе, тем более что процветающий НЭП в корне изменил мораль и отношение советских граждан к брачным узам. Партия и правительство продемонстрировали нетерпимость к буржуазным пережиткам и отменили раз и навсегда позорное отношение к «брошенкам». Любо-рожденный ребеночек независимо от происхождения и половой принадлежности был желанным и считался полноценным членом молодого советского государства.

БОЛЬШОЙ БОНЖУР ОТ ЦЕЦИИИ

Свобода сексуальных отношений захлестнула полуграмотную молодежь, управляемую комсомольскими ячейками и более зрелыми, правильно понимающими стратегию партии коммунистами, которых после революционных передраг прямо-таки воротило от женсоратниц. Взглянув на них, они дружно вздрогнули, поняли, что в таком окружении им долго не протянуть, и объявили сексуальную революцию, нивелирующую «мелкие» семейные интересы.

Уже в первый месяц в загсах уменьшилось количество записей о гражданском состоянии. От страха быть уволенными за ненужностью у работников государственного учреждения испортилось настроение и пошатнулась уверенность в светлом будущем, грозящем их семьям безработицей и полуголодным существованием. Они тихо проклинали политинформации с лозунгами, призывающими не опускаться до эгоизма «ячейки общества», а стремиться к простым, ничем не отягощенным отношениям. Идеология рабочего класса с легкостью раздвинула границы любви, а вместе с ней и брачных уз, сдерживающих многовековой моралью порывы чувств у особо темпераментных граждан.

При таком раскладе Лизонька как нельзя лучше подходила под статус «строителя коммунизма». Родители, конечно же, горевали, глядя на внучку-безотцовщину, но находили успокоение в том, что при нынешней гражданской позиции никто не посмеет упрекнуть их дочь в непрогрессивных взглядах и от-

сутствии стремления к лучшей жизни в молодом государстве.

Цилечка росла в любви и заботе, радуя бабушку с дедом миловидной внешностью и сообразительностью. На пятом году ее жизни все, как один, сделали вывод об одаренности малышки и дружно отправились в центральную музыкальную школу развивать унаследованный от цыганских родственников дар. Там подтвердили подозрение на детскую гениальность, и с этого момента судьба девчушки была устроена наилучшим образом.

Как и нагадала бабушка Дея, внучке сопутствовали успех и слава, обрамленные красивой (и не очень) любовью с ухаживаниями и бесчисленным количеством легких, ничего не значащих для нее увлечений. Цилю обожали, ненавидели, давали лучшие роли и тут же их отнимали по приказу какого-нибудь обиженного и обделенного вниманием примы партийного руководителя. Ей дарили дорогие подарки, добиваясь благосклонности, желали здоровья и даже преждевременной смерти со всеми вытекающими из этого последствиями в виде красивой траурной церемонии и долгой о ней памяти. Как и большинству актрис, красавице приходилось принимать гнусные и не всегда умелые ухаживания влиятельных членов партии. От этого ее трепетная и тонкая натура еще больше тяготела к обычным, но весьма состоятельным мужчинам с легкой сединой на висках. Нагулявшись вдоволь, она поняла, что дошла до рубежа, после которого ей будет

БОЛЬШОЙ БОНЖУР ОТ ЦЕЦИЛИИ

трудно устроить личную жизнь, и вышла замуж за обожавшего ее профессора Бенедикта Ароновича Шнайдера, мама которого видела невестку насквозь и даже немножко глубже.

— Бенья, она тебе не пара, — пыталась вразумить мать сына, увидев ее на сцене оперного театра. — С ней ты забудешь, как спокойно спать! Она красавица! Для семейной жизни это нехорошо. Посмотри, даже во время спектакля за ней кто-нибудь да волочитя. Ты хочешь беречь свою душу ее туманным прошлым? Поверь маме, оно у нее есть. Ты будешь подзревать всю жизнь. Скажи, мне надо такое напряжение нервов? Единственный плюс в твоем выборе — она из «наших».

Редкая мама не знает, что нужно ее сыну. Нелли Львовна ошиблась только в одном — в полной национальной принадлежности Цили к многострадальному еврейскому народу. В отличие от Бениной мамы, папа Арон обожал красавицу невестку. Благодаря спокойному и покладистому характеру свекра, стремящегося погасить малейший конфликт еще до того, как он разрастется, она почти не чувствовала негативного отношения к себе со стороны женской половины семьи Шнайдеров.

После долгих споров с вескими аргументами Бенья все-таки женился и стал прекрасным дополнением к Циловой жизни. После свадьбы требовательный и даже в чем-то придирчивый профессор превратился в подкаблучника. Его волевые качества улетучивались

сразу же, как только он переступал порог дома. Беня стирал, Беня готовил, гладил белье и почти каждый вечер встречал жену после спектакля. Мягкий и любящий, он был уютен во всех отношениях. Супруг позволял собой командовать и с радостью выполнял прихоти жены. «Объект обожания» доминировала во всем без зазрения совести, не считаясь с чувствами и желаниями супруга. В целом, семейная и трудовая жизнь протекали в пределах допустимых социализмом норм.

Любовь к успеху и себе была намного сильнее любви к мужу, поэтому не стоит удивляться, почему в доме никогда не звучал детский смех. Поначалу Бенедикт надеялся и верил, что сердце жены растает при виде розовощеких карапузов. Гуляя с супругой, он выбирал путь рядом с детскими садами, игровыми площадками, заходил с ней в кафе-мороженое и садился за столик поближе к молодым парам с детьми. Видя, как отпрыски шумят и капризничают, Циля недовольно морщила носик и вздыхала.

— Беня, мы зашли сюда спокойно посидеть, а они кричат и постоянно чего-то требуют от и без того измученных жизнью родителей.

— Циличка, это же дети. Посмотри, какие они забавные!

— Тебе действительно нравится такая жизнь? Ни минуты покоя. А этот визг!

— Душа моя, это всего лишь веселый детский смех. Обрати внимание, родители совсем не против и даже счастливы.

БОЛЬШОЙ БОНЖУР ОТ ЦЕЦИЛИИ

— Вот ужас! — глубоко вздохнула Циля, и с этой минуты Бенья перестал себя тешить мыслью о продолжении рода Шнайдеров.

Поработав на лучших театральных сценах необъятной Родины, Цецилия ушла на пенсию с медалью ветерана труда и полагающимися при этом почестями в виде набора хрустальных рюмок и путевки в крымскую здравницу.

Уже на первой неделе заслуженного отдыха она поняла, что, кроме любящего мужа, в ней никто не нуждается. Без внимания и греющих душу аплодисментов Циля не на шутку загрустила. Какое-то время она еще приходила в театр, но свято место долго не бывает пустым и резервируется еще до ухода ветерана на заслуженную пенсию. Вполне логично, что интерес к бывшей прима заметно поубавился и даже сошел на нет.

От природы Циля была мудрой женщиной, поэтому спокойно приняла холодные «здрасьте» и «до свиданья» от коллег по цеху и с гордостью покинула храм Мельпомены, чтобы переступить его только по особому торжественным случаям и с обязательным персональным приглашением.

* * *

Итак, после краткого экскурса в прошлое вернемся к настоящим страданиям бывшей оперной дивы по безвременно ушедшему из ее жизни мужа Бени.

Устроив супругу пышные похороны за счет его бывшего места работы, Циля предалась унынию. На первом этапе ей было до боли жаль несчастного. Чувство жалости возвращалось в ней ровно до той поры, пока в голову не пришла мысль, что из-за его неожиданной кончины она осталась одна-одинешенька на всем белом свете.

— Чудовищный эгоизм! Так со мной поступить! Хоть бы предупредил заранее, чтобы я хоть как-то подготовилась морально. Материальная сторона — тоже ведь немаловажная часть скорбного процесса. Хорошо, что бывшие сослуживцы взяли на себя все нерадостные хлопоты. Ужас, на что он меня обрек, умерев внезапно и раньше, чем я думала!

Совершенно уверенная в том, что он обязательно увидит ее с небес и пожалеет о содеянном, Циля устроила усопшему мужу сцену скорби и глубоких душевных переживаний. Поставив пластинку Моцарта «Lacrimosa», она легла на диван с мокрым полотенцем на лбу и заплакала. Крупные слезы отчаяния скатывались одна за другой из все еще красивых, но до боли грустных глаз. Брови при каждом судорожном вдохе сходились у переносицы, а подкрашенные по случаю траура бледно-розовой помадой губы собирались в слегка увядшую, но все еще нежную розочку. Проиграв всевозможные сцены сокрушений и тоски, когда-либо исполняемые ею в театре, она взглянула на себя в зеркало и пришла к выводу, что траур ей совсем не к лицу.

БОЛЬШОЙ БОНЖУР ОТ ЦЕЦИЛИИ

По прошествии сорока дней визиты и телефонные звонки с соболезнованиями закончились. На смену им пришло одиночество и осознание ненужности. Хандра подтачивала и без того измученный организм и проявляла себя в головокружении, болях в спине и учащенном сердцебиении. Не на шутку испугавшись за свое здоровье, вдова решила отправиться в районную поликлинику.

Заполучив вождеденный талончик, Циля заняла очередь к специалисту. Разношерстная полубольная публика абсолютно не радовала глаз, как и поучительные плакаты о том, что может произойти, если не соблюдать гигиену, игнорировать прививки, спорт и флюорографию.

— Не верю я этим врачам, — прошептала сухонькая старушка с большой холщовой сумкой на коленях.

— Есть для этого основания? — нехотя поинтересовалась Циля.

— Да сколько угодно! Все только про них и говорят. Вот вы с чем пришли?

— Неважно себя чувствую после смерти мужа.

— Вон как! Мои вам соболезнования. И давно помер?

— Почти два месяца прошло.

— По ночам, что ли, является?

От этих слов Циля в ужасе содрогнулась, но быстро взяла себя в руки и для большей убедительности решила согласиться с умудренной соседкой.

— Иногда.

— Тогда врач не поможет.

— Это еще почему?

— Свежая утрата. Душа болит, а оттого тело реагирует самым сильным образом. Люди, они что... пока вместе живут, срастаются друг с другом, как пара березок. Сруби один ствол, другая соком изойдет, иссушит себя слезами. Так и у нас. Подика-сь плачете день и ночь?

— Конечно, — с напускной грустью произнесла Циля.

— Это вы зря. Много жидкости из организма выпускать вредно. Обезвоживание — страшная штука! Вот, думаете, почему горе делает женщин старше?

— Совершенно очевидно: негативные эмоции влияют.

— Как бы не так! Во всем жидкость виновата! От ее утери кожа высушивается и скукоживается. Я бы вам клизмы посоветовала. Верное средство от всех проблем!

— Это же надо такую глупость сказать! — возмутилась дама в ярком цветастом платье. — Еще посоветуйте мочу три раза в день до еды пить. Удивляюсь я на вас, женщина! Сидите, раздаете рекомендации, не зная настоящей причины плохого самочувствия порядочного человека. Скорее всего, здесь без успокоительных лекарств не обойтись. Клизмы, да еще в поликлинике! Уважаемая, в медицинских учреждениях дефицит всего, включая гигиену! Нельзя быть